

АЛЕНА АЛТУНИНА

**СТРАШНОЕ
ОБАЯНИЕ**

Алена Алтунина
Страшное обаяние

«Издательство АСТ»

2020

Алтунина А.

Страшное обаяние / А. Алтунина — «Издательство АСТ», 2020

Что делать, когда в день своего рождения обнаруживаешь в своей ванной труп незнакомого мужчины? Бежать! Журналистка Анастасия так и сделала, после чего ее неприятности многократно приумножились. Мало того, что ее и без того неказистая внешность пострадала, так еще она вынуждена вести расследование о покушении на сбившего ее водителя. Но Настини оружие – безграничное обаяние и природная смекалка, помогают ей достойно выйти из сложного положения, преобразиться, найти друзей и любимого человека.

© Алтунина А., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Алена Алтунина Страшное обаяние

Алена Алтунина (настоящее имя Елена Муляр).

Окончила художественную школу, в 19 лет поступила на архитектурный факультет в Полтаве, после первого курса взяла академический отпуск и уехала в Москву, надеясь заработать денег. За полгода заработать особо не удалось, пришлось бросить институт и осесть в Москве, где позже окончила гуманитарный факультет МИСиС (Московский институт стали и сплавов), вышла замуж. Вместе с мужем воспитывает троих детей.

Первая книга Алены Алтуниной «Убийство с хеппи-эндом» вышла в издательстве АСТ в 2012 году. В мае 2013 года вышла вторая книга «Выжить за бортом».

Среди множества увлечений, таких как вязание, шитье, рисование, дизайн интерьеров, вождение автомобиля, самым главным стало – писать детективы – профессия и увлечение!

* * *

Обаяние – это дар божий или компенсация за неказистую внешность. Мне компенсировали «неказистость» с лихвой, отсыпали щедро не одну пригоршню, из чего следует, что красотой меня бог одарить забыл напрочь.

Есть люди, которым высылать свои фотографии куда-либо нельзя ни в коем случае – так вот, я из их числа. Всегда, если внешность оценивали заочно, я всеми правдами и неправдами искала личной встречи, иначе исход дела можно было предугадать заранее. В лучшем случае мне просто не ответят, в худшем – возмущенно нахамят, что это, мол, я со своим свиным рылом да в мясной ряд, и тому подобное. А вот при личной встрече все пройдет прекрасно. У собеседника, поначалу смущенного моей непрезентабельной внешностью и особенно моим большим ртом, недоумение сменяет абсолютное расположение и любовь до гробовой доски, стоит лишь мне, вот уж правда, растянуться в улыбке до ушей.

Мне приходится разрешать всевозможные конфликтные ситуации знакомых и родственников: с моим безграничным обаянием мы выигрываем любые, даже самые пропавшие дела. Родители прочили мне блестящую карьеру адвоката, но я назло всем стала журналисткой. Правда, «стала» – это громко сказано: я только недавно окончила журфак. Вообще-то моя мечта – писать книги. Однако жизненный опыт у меня небольшой, поэтому сюжет пока не сложился, и в ожидании озарения я прохожу стажировку в малотиражной газете.

Количество знакомых и друзей растет ежедневно в геометрической прогрессии, при этом круг знакомых настолько широк, насколько широка моя улыбка: здесь и продавцы, и уборщицы, и профессура из института, и прочие люди, когда-либо встретившиеся мне на жизненном пути. И на всех мой дар действует безотказно.

Но сегодня, придя домой, я на собственном примере осознала, что в каждом правиле есть исключения. Есть кто-то, на кого мои чары не распространяются. Кто-то, обладающий иммунитетом против них, кто-то, кто не обольщен мною, а напротив, тихо ненавидит: как иначе объяснить ту пакость, что я обнаружила в своей ванной?

Хотя чего удивляться? Сегодня был мой день рождения. И этот самый ужасный день в году, как обычно, не задался с самого утра. Сначала я намеревалась отбросить предубеждения и вопреки всему провести этот день прекрасно: для этого заранее купила умопомрачительное платье, эффектные замшевые сапоги на шпильке, записалась в парикмахерскую на прическу. И что? Сначала я уронила на платье лак для ногтей, который за считанные секунды, конечно же, весь успел вытечь из бутылочки. Пытаясь спасти положение, я протерла пятно жидкостью для снятия лака – в результате оно лишь размазалось до невероятного размера и намертво пристало к ткани. Ногти я так и не накрасила, а со злости коротко подстригла их. Само собой, сапоги я надевать не стала – зачем рисковать? Все равно или каблук сломался бы, или подошва бы отлетела. Делать прическу расхотелось: еще фен заклинит и сожжет волосы, которые, вопреки злой природе, получились красивые, от мамы достались, и я их берегла. Так что я надела любимые кроссовки, джинсы, объемный свитер, куртку и пошла на работу.

В нашей газете, в отличие от многих учреждений, нравы были вольные. Дресс-код никто не вводил и на свободу личности не покушался. Здесь ценили профессиональные качества, а внешние данные особого значения не имели. Главное, чтобы жажда свободы у сотрудников не брала верх над разумом, и чтобы журналисты как бомжи не пахли, не носили цепи и не делали татуировок на лице – все допускалось в разумных, не эпатазирующих пределах.

Выйдя на улицу, я порадовалась своей вынужденной предусмотрительности. Как обычно, в этот праздничный день шел дождь. Как бы нарядно смотрелись мои замшевые сапоги под

проливным дождем, представить несложно. Зонт я не взяла, а возвращаться – и так плохая примета. А в такой день и подавно. Хорошо, что куртка была с капюшоном, поэтому промокла только одежда. До офиса я все же доехала и в канализационный люк не провалилась. Наверное, не стоит говорить, что работа сегодня как-то не клеилась, все валилось из рук. Эта ситуация была привычной. Такой день следовало просто пережить: завтра все будет иначе. В конце концов, один день в году – это не так уж и страшно. Главное, чтобы остальные не подкачали. Но даже сегодня было странным то, что за весь день никто из многочисленных друзей мне не позвонил и не поздравил. Я несколько раз проверяла, заряжен ли телефон, есть ли на счету деньги – все было в порядке. Однако он иступленно молчал. Ни одного жалкого сообщения, ни звоночка. Вот вам и друзья!..

В офисе тоже не беспокоили поздравлениями, однако под конец дня секретарша Лариса вдруг вспомнила, что у меня день рождения – все бросились активно меня поздравлять и разводить на шампанское, в подарок преподнесли конверт со срочно собранными деньгами, которые мы благополучно пропили. Денег собрали немало, шампанского получилось много. Все, кроме меня, были довольны. Среди серых будней – и вдруг такое веселье. Не знаю, как завтра будут чувствовать себя мои коллеги, но мне уже сегодня было нехорошо: торт и шампанское сразу же не прижились в моем желудке. Когда коллеги были достаточно счастливы, чтобы обходиться без моего присутствия, я потихонечку ретировалась. Ловить такси я не рискнула. Обязательно попадется какой-нибудь маньяк, а на сопротивление сейчас не было никаких сил. На общественном транспорте было надежней, но намного дольше. Уже на середине пути я почувствовала, что шампанское, несмотря ни на какие преграды, добралось до мочевого пузыря. Остаток пути я старалась избегать резких движений и идти быстро, но осторожно. Кое-как дошла до дома, аккуратно переставляя ноги, но при этом ускоряя темп. Зато был повод порадоваться тому, что я живу на втором этаже: обычно мне это совсем не нравилось. Включив свет в прихожей, молнией влетела в туалет. Все же и в этот день бывают счастливые минуты! Счастье я прочувствовала в полной мере.

В прекрасном расположении духа я пошла мыть руки. Уже собираясь включить свет в ванной, я вдруг заметила под дверью слабый проблеск света. Я открыла дверь и обомлела. Мои дорогие друзья позаботились обо мне: набрали в ванную воды и опустили туда горящие свечи. Ну какая прелесть! Сейчас разденусь и с наслаждением завершу этот день. Но тут я присмотрелась. Оказывается, в моей ванной уже кто-то отдыхал... Мужчина! Я пригляделась: мужчина хоть и улыбался, но не был похож на живого человека. Значит, счастливым его не назовешь. Пальцем прикоснулась к его лбу. Так и есть! Он был совершенно холодным. Меня тут же замутило. Я кинулась к туалету, но звук полицейской сирены прервал мой рвотный рефлекс. Вот это подстава! Не успела я прийти домой и обнаружить труп в ванной, как тут же нагрянула полиция!

Моя не очень трезвая голова заработала с бешеной скоростью. Нужно было немедленно принять решение. Либо я сдаюсь и отвечаю за труп, которого никогда раньше в глаза не видела, либо бегу и пытаюсь выяснить, кто спланировал эту подлость. Машинально я посмотрела на часы: 21.15, до конца этого дня еще было несколько часов. Как раз достаточно для того, чтобы обвинить меня в преднамеренном убийстве и приговорить к пожизненному заключению. Сегодня мне ни за что не доказать, что этот труп мне не знаком, а проводить хотя бы ночь в катажке мне очень не хотелось. И я приняла удивительно трезвое решение – бежать. С быстротой молнии я проанализировала, что мне для этого нужно. Телефон и паспорт были в сумке, деньги взяла из тумбочки, косметика не понадобится, ведь завтра все разъяснится, и я вернусь домой. Я лишь надела плотно облегающую шапочку, чтобы густые волосы не мешали спуску со второго этажа: как раз под окнами проходила газовая труба, которая меня всегда беспокоила. Мне казалось, что по ней в квартиру легко могли залезть воры. Но, как оказалось, по ней легко можно было не только подняться, но и спуститься. Сначала я вылезла в окно,

выходящее на противоположную сторону от подъезда. Встала на трубу ногами, присела, взялась за нее руками и прыгнула, повиснув на руках. Потом отпустила трубу и приземлилась на землю. Спуск занял не более двух минут. Еще когда я вылезала в окно, я слышала, как звонили в мою дверь. Ясное дело, это была полиция. Я еще раз похвалила себя за правильное решение. Лучше сейчас удалюсь на безопасное расстояние, позвоню знакомым и переживу остаток дня под их кровом, чем в кутузке. Почувствовав почву под ногами, я побежала через небольшой садик к дороге, где намеревалась поймать такси. Я разогналась до такой степени, что почти перебежала дорогу до противоположной стороны. Но все-таки не достигла цели – помешала огромная машина, мчащаяся на большой скорости: мне не хватило доли секунды, чтобы разминуться с ней. Она меня зацепила, и я оказалась на земле. В мой день рождения быть сбитой машиной вполне нормально: хорошо, самолет на меня не упал, так что у меня был реальный шанс выжить. Пока я лежала на асфальте и думала об этом, из остановившейся машины выбежал какой-то дяденька и начал меня трясти за плечо.

– Эй, пацан, ты как? Ты живой?

«Неужели он еще и какого-то пацана сшиб? – подумала я. – Ну лихач!»

Он продолжал трясти меня.

– Черт! Пацан, очнись! Ты, как?

Не знаю, как там пацан, а я была в странном состоянии: сильно болели нога и лицо, в голове проносились разные нелепые и несвязные мысли, и почему-то очень хотелось смеяться. Надо же, этот водила в таком безлюдном и темном месте умудрился сбить сразу двоих людей: меня и какого-то пацана! Разве это не смешно?! Я хотела засмеяться, но вдруг чьи-то руки подняли меня и положили на что-то мягкое.

«В машину, наверное, – подумала я. – Куда, интересно, он положит пацана?» Кажется, я заняла все заднее сиденье. Похоже, пацана решили оставить на дороге, так как дверь сразу же захлопнулась, и машина поехала. И снова на огромной скорости! Вот подлец этот водила! Бросил мальчишку умирать на дороге! А может, ему уже ничем не помочь? Тем более – сволочь! Бедный пацан! Мне стало так грустно, что я засмеялась навзрыд: и слезы, и смех вырывались одновременно.

– Очнулся? – поинтересовался водитель.

– Кто? – едва прерывая истерику, спросила я.

– Ты! – ответил он.

– Я? – мне стало еще смешнее: почему-то этот ненормальный обращается ко мне в мужском роде.

– Ой не могу! «Очнулся», – повторила я.

– Стоп! – гаркнул водитель. – Сейчас же прекрати! Ты что, сумасшедший? Или это я тебя так стукнул? – спросил он.

Его крик отрезвил меня. Я уже хотела уточнить, что я не сумасшедший, а сумасшедшая, как вдруг поняла, что все это время он почему-то принимал меня за пацана. Необходимо было объяснить ему, что он заблуждается. Я решила сесть и продемонстрировать себя во всей красе. При движении нога заболела еще сильнее – крепко цепляясь за кресло, не сдерживая стоны, я все же села. Водитель тоже застонал. Вот гад! Мало того, что изувечил мне ногу, так еще и передразнивает!

– Эй! Вы чего?! – возмутилась я, готовясь поставить хама на место.

Он снова застонал:

– Что-то совсем плохо мне, пацан. Как бы не отрубиться.

Видимо, он здорово струхнул, когда сбил меня. Вон, почти сознание теряет!

– Да ладно, не переживайте вы так. Это всего лишь нога, надеюсь, что с ней ничего серьезного. А вот если вы потеряете сознание, то последствия могут быть куда печальнее. Тем более на такой скорости! – я попыталась его успокоить.

– Почему нога? – спросил он. – У меня прострелена рука. Болит – сил нет!

Я посмотрела на его руки. Кошмар! Прямо возле моего носа на его правой руке расплзлось огромное пятно крови. Столько крови я еще никогда не видела. Наверное, вытекло литра три, не меньше! Еще пара литров – и он покойник. Как он может вести машину в таком состоянии??? Теперь меня окончательно замутило. Я начала издавать утробные звуки.

– Тебе плохо? – спросил водитель.

– Угу, – промычала я.

Рядом со мной открылось окно.

– Высунь голову в окно. Может, станет легче, – предложил дяденька.

Я высунула и наконец-то смогла избавиться от шампанского и торта. Мы как раз проезжали фонарь, и на секунду в зеркале бокового вида я увидела свою физиономию. Выглядела я ужасно: даже не сразу поняла, что это я. Лицо перепачкано грязью, нос распух, под глазами светились синяки. Шапочка, полностью закрывающая волосы, действительно делала меня похожей на мальчишку. Я потрогала нос. Он сильно болел. Кажется, эти синяки исчезнут нескоро. Хорошо, хоть мутить перестало.

– Фу, – облегченно вздохнула я.

– Тебе лучше? – спросил водила. – Наверное, у тебя сотрясение. Тебе нужно полежать. Что мне с тобой делать?

– Может, посадите меня где-нибудь? – предложила я.

– Где я тебя высажу? Скоро начнется бездорожье. Извини, парень, но до ближайшего населенного пункта километров сорок! Посты ГАИ мы уже проехали, но там я тебя не мог посадить. Сейчас встреча с полицией мне ни к чему.

Ага! Он, наверное, бандит. Плечо прострелено, полиции боится – значит, в бегах. Я вдруг вспомнила о сюрпризе в своей ванной. Но я вроде как тоже в бегах. Вот же нашли друг друга! Повезло...

Так что же у него с рукой? Нужно, наверное, остановить кровь, пока еще что-то осталось.

– Давайте я перевяжу вам руку? У вас есть аптечка? – предложила я.

– Да, сейчас подам. Посмотри еще что-нибудь обезболивающее.

Скрипя зубами и постанывая, он достал из бардачка аптечку и подал мне. Я взяла бинт, жгут, перекись водорода, ножницы и «Пенталгин». Подала ему таблетки, а сама занялась раной.

– Можно, я разрежу пиджак? – спросила я.

Водила хмыкнул. Ну да, понятно, глупый вопрос! Пиджак и так был безнадежно испорчен. Я аккуратно отрезала рукав повыше раны. Сделать это оказалось очень сложно: машину сильно трясло. Видимо, мы уже ехали по бездорожью. Без одежды рука выглядела жутко: сквозная рана с рваными краями, залитая кровью. Я чуть не потеряла сознание.

– Не бойся, парень! Перевяжи, как сможешь. Приедем, я потом сам посмотрю, – немного отрезвил меня водитель.

– Хорошо, – стиснув зубы, согласилась я.

Я промыла рану перекисью, перевязала бинтом и наложила жгут выше нее. Уже наматывая жгут, я думала... Водила-то силен! Мало того, что до сих пор терпит боль, он ведь еще как-то поднимал меня и укладывал в машину. Как это можно было сделать с простреленной рукой?! Я пригляделась: сплошные мышцы да и объем, дай боже! Уважение к нему возросло. В моей небогатой на любовные приключения жизни попадались все больше хилые парни. Сейчас модно, чтобы мальчишки были похожи на девочек, а девочки – на мальчиков: так называемый унисекс стирает границы полов. Мне это никогда не нравилось. Хотелось, чтобы мужчины были мужественными, как в старых фильмах про войну. Я хотела рассмотреть раненого в зеркале обзора, но на улице было уже темно, а света от приборной доски было недостаточно.

– Вы как? – заботливо спросила я.

– Да, спасибо! Сейчас немного лучше. Тебя как зовут?

– Сте... – начала я, но вспомнив, что он принимает меня за мальчишку, решила назваться мужским именем: – Степан!

«Не буду пока рассекречиваться», – решила я. Может, так безопаснее. Мое женское имя – Анастасия, но с детства, благодаря моему любящему папе, все называют меня Стеша. Пока я была маленькой, меня называли Настенькой. Когда я начала подрастать, папочка, умиляясь моей красотой, говорил:

– Ну, Анастасия, совсем взрослая! Ты уже не Настенька, а Анастейша! Будем тебя так называть!

Мама согласилась. Только бабушка, у которой был зоркий и не замыленный слепым обожанием глаз, сказала:

– Ой, не смешите меня! Какая из нее Анастейша?! Вот Стеша – в самый раз!

С тех пор все родные и друзья зовут меня Стешей. Я так привыкла, что не всегда отзывалась на имя Настя или Анастасия. Да и права была бабушка. Имя Анастейша могло подойти какой-нибудь сказочно красивой девочке, а не такому лягушонку, как я. Я с детства не питала иллюзий относительно своей внешности, так же, как и бабушка. И только мои родители с самых пеленок считали меня необыкновенно красивым ребенком. Раньше, держа меня высоко на руках, мама говорила:

– Виктор, ну посмотри, какая она красивая, необыкновенная девочка!

Папа ей вторил. Бедная бабушка, глядя на мои кривенькие ручки и ножки, на некрасивую мордочку, думала, что у мамы послеродовая горячка, и она не замечает моей непривлекательности, а папа ей вторит, чтобы не огорчать. Но время шло, а родительское помешательство не проходило: они слепо обожали свое дитя. Только бабушка видела все мои недостатки, и поэтому часто спускала с небес, куда меня возносили родители, на землю. Она считала, что я должна была приспособиться к реальному миру с теми данными, какие мне дал бог. И она была права. Бабушка подсказывала, как, не будучи симпатичной, стать милой. «Знаешь, многие красивые люди бывают неприятны в общении, так как не обладают обаянием. Стоит им начать говорить, как они теряют всю свою привлекательность. Научись слушать собеседника, запоминать то, что его волнует. Старайся быть искренней и участливой. Ты увидишь, что эти качества намного ценнее холодной красоты», – говорила она. И я училась запоминать, сопереживать, в общем – обаять.

– Меня зовут Антон, – прервал воспоминания мой случайный попутчик.

Что мне ему ответить? Очень приятно? В нынешней ситуации приятного мало.

– Угу, – сказала я.

– Тебе опять плохо? – спросил Антон.

– Нет. Все нормально. Только нога болит, и синяки под глазами.

– Если не умру, посмотрю твою ногу. Когда приедем, – пообещал Антон.

Вот! Еще «умру» придумал. Я от одного трупа прибежала к другому. Ну что ж за день-то такой?!

– Куда приедем? – наконец догадалась я спросить.

– В один дом. Там мы будем в безопасности.

Мне понравилось это «мы». При чем здесь я?! У меня почти все было нормально, пока он меня не сбил. Ну, не считая жмурика в ванной. Кстати, нужно позвонить кому-нибудь и сообщить о том, что со мной произошло. Я начала искать сумку. Безуспешно. Рядом со мной ее не было.

– Ты чего засуетился? – спросил Антон.

– Ищу свою сумку.

– Никакой сумки я не видел рядом с тобой. Ты уверен, что она была?

– Абсолютно!

– Извини, Степан! Наверное, я ее не заметил второпях.

Кошмар! Катастрофа! Положение усугубляется с каждой минутой.

– Мне нужно позвонить. Дайте мне телефон!

– Родителям?

– Нет. То есть да, – что еще мог ответить мальчик в моем положении?...

– Я не могу тебе дать телефон. Я не знаю, кто в меня стрелял, по чьему заказу. Не знаю, насколько серьезны киллеры. При желании они могут выследить по телефону, а мне пока светиться нельзя: сейчас я слишком уязвим. Потерпи немного. Я приду в себя и придумаю, как успокоить твоих родителей.

Что мне оставалось делать?... Но мне ведь завтра на работу. Хотя после сегодняшней попойки все решат, что я решила устроить себе реабилитационный день, потом будут два выходных: меня даже никто не будет искать. Вот так: был человек – и пропал, а никому и дела нет!

Машину трясло все сильнее. Наверное, мы забурились в настоящую глубинку, где дорог отродясь не было и не будет. Через полчаса машина остановилась.

– Что, приехали? – спросила я.

– Да. Ты как, сможешь выйти?

– Пока не знаю. Нужно попробовать.

– Я тебе сейчас помогу.

Постанывая, Антон вышел из машины, подошел ко мне и открыл дверь.

– Давай руку! – предложил он.

Опираясь на его руку, я с трудом вылезла из машины. Интуиция мне подсказывала, что на больную ногу лучше не опираться, так как любые мои движения отдавали в нее болью. Антон крепко держал меня здоровой рукой. Я еще раз убедилась, что он силен как медведь.

– Обхвати меня рукой за шею, – подсказал он.

Легко сказать! До его шеи мне было не дотянуться – разве что встав на цыпочки. Но сделать это на одной ноге было невозможно. Медведь оказался еще и очень высоким.

– Не смогу. Вы очень высокий, – сказала я и почувствовала, что сильно покраснела.

«Это от натуги», – решила я. Хорошо, что на улице было очень темно, и Антон не мог увидеть мое алое лицо. Я огляделась. Темнота вокруг была абсолютной, даже звезд не было видно из-за туч, только пахло прелой травой и листьями. Понятно, ведь на дворе середина октября, и сегодня утром шел дождь. Я еще раз удостоверилась, что мы в деревне, куда цивилизация еще не дошла. Но и обычной деревенской суеты не наблюдалось. Было очень тихо: ни голосов людей, ни лая собак, ни стрекотания цикад, ни мычания коров – ничего не было! Полная, непривычная и от этого жуткая тишина.

– Как же мы пойдем? Ничего не видно! – поинтересовалась я.

– Прорвемся! Я здесь каждую кочку знаю, – убедил меня Антон.

– Откуда?

– Это дом моего деда. Я здесь вырос.

Где он увидел дом – непонятно... Я никаких строений не замечала.

– Может, включить фары в машине? А то мы не дойдем, – предложила я.

– Не нужно. Местные могут заметить свет, если еще не заметили. Положись на меня, дойдем!

По пути к дому я предположила:

– Здесь, наверное, из местных только лешие и домовые.

– Ты что, веришь в эту чепуху?

– В таком месте – верю.

– Этого не бойся, Степан! Бояться нужно только людей.

Кое-как мы доковыляли до дома. Антон прислонил меня к чему-то, пошарил где-то здоровой рукой и достал ключ, который тут же заскрежетал в замке.

– А где дедушка? – спросила я.

– Он умер год назад.

«Значит, здесь еще и привидение дедушки водится», – решила я. Мило!

Наконец, мы попали в дом. Антон щелкнул выключателем, но свет не появился.

– Черт! Опять нет света! – выругался он.

Я даже не удивилась. Наверняка дедушка вырубил электричество – зачем привидениям свет?!

– Сейчас зажгу лампу, – он нашел спички и дал мне.

– Зажги!

Я долго чиркала отсыревшими спичками, но все же извлекла огонь. Антон поднес керосиновую лампу, и у нас появился малюсенький источник света.

Как люди жили раньше при таком освещении?! Света лампы хватало на небольшое расстояние, и поэтому рассмотреть все помещение было невозможно, лишь близкие к лампе предметы.

– Ты присядь, – Антон усадил меня на что-то похожее на диван, – я пойду, спрячу машину.

– Куда? В дом? – сглупила я.

– В амбар, – ответил Антон.

Значит, еще и амбар есть! Кто бы мог подумать?! Просто мегаполис какой-то!

Потихоньку глаза привыкли свету от керосинки. Я смогла осмотреться. Это была деревенская изба с печкой посреди комнаты. В углу висели иконы. Хорошо. Может, дедушка не рискнет здесь появиться?... На стенах висела разная утварь, пригодная в хозяйстве. Под окнами стоял большой крепкий стол, деревянные скамейки и два сундука. Вот и все убранство.

А где холодильник, телевизор, наконец, раковина?! Где все остальные удобства?! Как я смогу ночевать с мужчиной в одном помещении, не приняв душ?! Да он же к утру почует во мне самку! Интересно, который час? Этот день когда-нибудь кончится?!

Во мне теплилась слабая надежда, что в доме есть и другие помещения, и мы с Антоном сможем разделиться. Вернулся Антон – и надежда растаяла...

– Нам придется ночевать здесь. В доме только одна комната. Ты не бойся, я мальчиками не интересуюсь.

Это заявление меня порадовало бы в том случае, если бы я была мальчиком. Хотя Антон ранен. Думаю, ему не до посягательств на мою честь.

Антон подсел ближе к керосинке, развязал бинты и осмотрел свою руку.

– Повезло. Пуля прошла навывлет, – прокомментировал он увиденное. – Ты молодец! Хорошо обработал рану. Придется довольствоваться перевязкой. В нынешних обстоятельствах выбора нет.

Пока он сидел возле света, я во все глаза рассматривала Антона. Мамочка! Вот это мужчина! Да... он-то ко мне, может, и не пристанет, пообещал все-таки. А я?! Я за себя не ручаюсь! Даже не думала, что такие мужчины еще существуют на свете! Тем более в Москве. В столице проживают все больше женоподобные хлюпики, а тут – такой экземпляр! Вот почему я краснела: даже в темноте почувствовала его мужское обаяние. Антон был невероятно похож на актера Евгения Сидихина. Только волосы у него были темные, а фигура и черты лица – один к одному. Для меня этот актер был воплощением физического совершенства, его лицо было по-мужски красиво. Я была уверена, что такие люди как он существуют лишь в единственном экземпляре. И тут пожалуйста – Антон! Может, он сын Сидихина, или брат, или клон? В любом случае, кем бы он ни приходился моему любимому актеру, сходство было поразительным, а моя голова пошла кругом.

Я была воспитана бабушкой, которая всегда твердила, что красота не главное в человеке, и что очень часто красивые люди разочаровывают. Да я на собственном примере много раз разочаровывалась как в красивых, так и в обычных людях. Внешность ни о чем не говорит: нужно сначала узнать человека и что он собой представляет, как личность, а уж потом пускаться в любовные безрассудства. Но кто и когда слушал голос разума?! А я – тем более! Сейчас была слишком слаба, чтобы бороться с кем-либо, даже с собственным рассудком. Таким незапланированным образом я влюбилась. И если мой день рождения еще не закончился, то эта любовь не сулит мне ничего хорошего.

– Который час? – спросила я.

Антон даже вздрогнул – настолько неожиданно прозвучал мой вопрос.

– Двенадцать ровно, – ответил он.

Вот, опять неразбериха! Теперь гадай, кончился злополучный день или нет. Может, спросить, сколько секунд? Но тогда Антон точно усомнится в моей нормальности. В этой глуши секунды вообще не имеют значения.

Антон закончил перевязывать руку и подошел ко мне.

– Давай, Степан, я осмотрю твою ногу!

– Давайте. А вы что, доктор?

– Нет, конечно. В докторов, наверное, не стреляют. Но когда-то я служил в армии, там нас учили оказывать первую помощь пострадавшим. Давай, поддержи лампу.

Я взяла лампу. Антон присел на корточки возле меня. Он снял кроссовку, носок, задрал штанину и принялся ощупывать ногу здоровой рукой.

– Где больно? – спросил он.

Я чувствовала боль, но никак не могла сосредоточиться и понять, где именно: вместо этого я наслаждалась прикосновениями Антона. Еще немного – и я бы совсем потеряла контроль над собой, но резкая боль в районе лодыжки приземлила меня.

– Мама! – вскрикнула я.

– Терпи, Степан! Ты ведь мужик! – приободрил меня Антон.

– Угу, – простонала я.

– Похоже на вывих, – резюмировал он. – Только, боюсь, одной рукой мне его не вправить. Давай, ты крепко держи ногу ниже колена, а я постараюсь вправить. Только очень крепко держи! Не бойся! Хуже не будет. Либо вправим, либо нет.

– Я попробую, – проблеяла я.

– Итак! Раз, два, три! – Антон дернул мою несчастную ногу здоровой рукой.

Там что-то хрустнуло. Я, заорав от боли, провалилась в пустоту.

Придя в себя, я обнаружила над собой лицо Антона и снова чуть не потеряла сознание – в этот раз от восторга! Таким это лицо было замечательным. Лампа хорошо освещала его. И я еще раз убедилась, что судьба приготовила мне поистине зверское испытание. Смотреть на такое лицо и не восторгаться им было невозможно. Тем более в такой крайне интимной обстановке.

– Бедняга, – сочувственно сказал Антон, – очень больно?

Ну почему он такой участливый?! Лучше бы он оказался сволочью: тогда я бы разочаровалась в нем и зажила прежней беззаботной жизнью без этого поселившегося внутри меня чувства. Я уже понимала, что боль в лодыжке – ничто по сравнению с той болью, которую принесет мне эта скороспелая влюбленность. Лучше бы он бросил меня на дороге, и я никогда бы не видела его!.. Что теперь предстоит вытерпеть моему бедному сердцу?! Ответ один: ничего хорошего!

Я прислушалась к боли в ноге. Она была уже не такой острой и как будто стихала. Может, это просто так казалось. Непроизвольно я прислушивалась к другой боли, ноющей и сладкой. Сердечной. «Необходимо взять себя в руки», – решила я. Если я буду раскисать от каждого его

взгляда и прикосновения, я буду или в постоянном обмороке, или абсолютно неадекватной. А мне необходимо вернуться домой и разузнать, кто подкинул мне труп в ванную. Да и Антон нуждается в поддержке. Хотя бы в моральной.

– Мне уже лучше. Спасибо! – жестко сказала я. – Где мы будем спать?

– Ложись на диване, а я лягу на лавках.

Я соизмерила Антона и лавки. Чтобы он мог на них спать, нужно у соседей еще одолжить парочку, а к соседям пока нельзя. Значит мне, «пацаненку», придется уступить место Антону на диване. Я сказала ему об этом.

– Вот еще! – возразил Антон, – мало того, что я втянул тебя в эту передрагу, так еще и уложу на лавках?!

Но тут я уперлась, как бизон, и настояла на своем. Антон сдвинул лавки, достал из сундука одеяло и перину и положил на них. Потом помог мне добраться до лежбища, снял с меня вторую кроссовку, куртку и... потянулся за шапочкой.

– Нет!!! – взревела я.

– Ты чего? – удивился он.

– Я буду спать в шапке! Здесь холодно. Еще простужусь – у меня и так хронический отит, – объяснила я.

– Понятно, – сказал удивленный хозяин.

Потом лег на диван, укрылся одеялом и затих.

Я тоже сначала лежала молча. Но потом, не в силах справиться со своими новыми ощущениями, тихонько заплакала. У Антона оказался хороший слух.

– Извини меня, Степан, – сказал он, – завтра постараюсь вернуть тебя домой.

– Хорошо, – сказала я, – спите.

Хотя ничего хорошего в возвращении домой я уже не находила. Теперь привычные дорогие мне вещи не имели прежней ценности. И не потому, что дома, возможно, все еще плавал труп в ванной. А потому, что теперь любой дом без Антона был мне чужим. Таким образом этот дедушкин дом, темный и сырой, стал для меня теперь номером люкс в пятизвездочном отеле. И раз уж судьбе угодно было приготовить мне такое испытание, вынесу его с честью. Или как получится. А может, сегодня просто день такой?... Вдруг завтра наваждение исчезнет, и я вновь обрету душевное равновесие? Хотя в глубине души я уже не хотела прежнего спокойствия – слишком сладкие муки ощущала я.

Так, размышляя о произошедшем, я незаметно уснула. Это была самая странная ночь в моей жизни: я то впадала в крепкий сон, то бредила наяву, не понимая, где я и что со мной. Изредка я вспоминала, что со мной произошло, и тогда прислушивалась к Антону. Кажется, с ним происходило то же, что и со мной, только он еще и постанывал. Таблетки «Пенталгин» хоть и помогали от боли, но вряд ли были рассчитаны на боль от ранения. А моя нога или отекала до такой степени, что я перестала ее ощущать, или перестала болеть, так как она меня не тревожила.

Наверное, наступило утро – в доме было по-прежнему темно, ставни на окнах были закрыты. Я проснулась. Видимо, сработала привычка. Я всегда просыпалась в 7.00, даже в выходные. Прежде всего проверила, на месте ли шапочка. Она оказалась в целости и сохранности, только голова от нее сильно чесалась – я не привыкла спать в полушерстяной шапочке. Кое-как успокоив зуд, присмотрелась к дивану. Антона на нем не было! Я уже начала волноваться: вдруг его вообще не существовало? Заскрипела дверь, и появился он. Сзади его освещало небольшое окошко, и я увидела его мощную рельефную фигуру во всей красе. Во мне опять проснулись вчерашние чувства. Ну вот, надежда избавиться от них не оправдалась. Теперь держись, Стеша-Степаша!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.